

ГЛАВА I

Чуть западнее границы трех североамериканских штатов — Дакоты, Небраски и Вайоминга — неторопливо ехали верхом двое мужчин, появление которых в других, не западных, местах, наверняка привлекло бы всеобщее внимание.

Внешне они отличались, и очень сильно. Один, более шести футов ростом, был страшно худ, а другой, гораздо меньше ростом, был настолько толст, что его тело почти приняло форму шара. Тем не менее лица обоих охотников оказывались примерно на одном уровне: маленький ехал на очень высокой коренастой кобыле, а худой сидел на низком, очевидно, слабом муле. Поэтому кожаные ремешки, которые служили толстяку стремянами, даже не достигали линии брюха его лошади, а длинный в стремях вовсе не нуждался: его ноги свисали почти до самой земли, и при небольшом уклоне тропы то одна нога, то другая касалась земли, не давая выпасть из седла.

Конечно, о настоящем седле здесь можно было только мечтать: толстяку его заменяла шкура убитого волка, на которой еще виднелась шерсть, у худого же вместо седла было старое индейское покрывало, настолько вытертое, что на самом деле он сидел прямо на спине мула. Уже одно это говорило о том, что двое оставили позади долгий и трудный путь. А костюмы их, запыленные и донельзя выношенные, только подтверждали это предположение.

Длинный носил кожаные брюки, которые, это было отлично видно, были скроены и пошиты для более плотного человека. Под постоянным воздействием тепла и холода, засухи и дождей они чрезвычайно скукожились, но, к сожалению, только в длину — нижний край брюк доходил лишь до колен их обладателю. Брюки к тому же лоснились от жира, из-за того что их владелец при любой возможности использовал их как полотенце или салфетку, чтобы протереть всё, чего он не хотел терпеть на руках, но за что был вынужден браться.

Ноги были обуты в кожаные ботинки, с трудом поддающиеся описанию. Они выглядели так, как будто их уже носил Мафусайл и с тех пор каждый новый владелец ставил на них по свежей кожаной латке. Уже невозможно было понять, чистые они или грязные: при взгляде на них рябило в глазах, как после взгляда на солнце.

Тощее тело всадника обтягивала кожаная охотничья рубашка без каких-либо пуговиц и застежек, которая обнажала загорелую грудь. Рукава едва прикрывали локти, обнажая жилистые, слабые руки. Длинная шея долговязого была обернута хлопчатобумажным платком. Каким он был когда-то — белым или черным, зеленым или желтым, красным или синим, — не помнил уже даже сам владелец.

Но в любом случае центральной деталью его костюма была высокая шляпа, плотно сидевшая на его голове. Раньше она была серой и наверняка называлась «ведром», как некоторые молодые люди привыкли называть цилиндр. Может быть, он когда-то в незапамятные времена украшал голову английского лорда, пока рука судьбы не нахлобучила его на голову бедолаги. Цилиндр путешествовал не день и не два, пока наконец не попал в руки охотнику прерий. Но тот явно не обладал таким вкусом, как лорды Старой Англии: посчитав поля лишними, он просто сорвал их. Только впереди оставил один кусок, служивший для глаз защитой от солнца, — за него к тому же удобно было брать в руки этот удивительный головной убор. Кроме того, тощий владелец был уверен, что голове обитателя прерий необходим свежий воздух, и поэтому он ножом «боуи»¹ проделал несколько отверстий по верху и тулье цилиндра. Теперь уж внутри этого головного убора западный и восточный, северный и южный ветра могли встречаться и говорить друг другу «добрый день».

В качестве ремня он носил довольно толстую веревку, которая несколько раз была обмотана вокруг талии. За нее были заткнуты два револьвера и нож «боуи». Кроме того, на ней висел ме-

¹ Особый тяжелый охотничий нож с одной режущей кромкой, широко распространенный на Западе, изобретение полковника Джеймса Боуи, погибшего в битве за форт Аламо (1836). (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

шочек для пуль, кисет, сшитый из кошачьих шкурок, мешок для хранения муки, кресало и различные другие предметы, чье предназначение оставалось загадкой для людей непосвященных. С груди свисала, покоясь на поясе, курительная трубка. Изготовил трубку всадник собственноручно, вынув сердцевину из срезанной ветки бузины. Несмотря на то что он уже давненько покусывал свою трубку, мунштук ее еще можно было принять за таковой. Длинный, как и все заядлые курильщики, имел привычку попросту грызть трубку, когда заканчивался табак.

Справедливости ради следует отметить, что костюм его состоял не только из ботинок, штанов, охотничьей рубахи и шляпы. О нет! На нем было надето еще кое-что: резиновый плащ, настоящий американский — из тех, которые садятся на половину первоначальной длины и ширины при первом же дожде. По этой простой причине полностью его надеть он не мог и колоритно повесил на веревочке вокруг плеч, как гусарский ментик. Он также носил лассо, смотанное в несколько витков, мягко свисающее через грудь от левого плеча до правого бедра. Картину завершало ружье, которое охотник держал поперек мула, прямо перед собой, — из тех длинноствольных ружей, из которых опытный охотник всегда точно бьет в цель

С первого взгляда невозможно было определить, сколько лет этому человеку. Его изможденное лицо было испещрено многочисленными складками и морщинами, но в то же время не утратило выражение юношеского озорства. В каждой морщинке скрывались искорки озорства, а за каждой складкой угадывалось плутовство. Лицо неизвестного было гладко выбрито, несмотря на то что вокруг расстился негостеприимный край, — очень многие «вестмены» старались не изменять данной привычке и гордились этим. Большие небесно-голубые, широко раскрытые глаза окидывали все вокруг тем острым взглядом, который свойственен морякам или жителям бескрайних прерий, но вместе с тем в нем скрывалось нечто по-детски наивное.

Мул, как уже упоминалось, только казался слабым: он с легкостью, иногда даже с охотой, нес тяжелого костлявого всадника, правда порой не повинуюсь воле последнего, устраивал короткие забастовки, но всегда оказывался так сильно стиснут длинными ногами хозяина, что быстро отказывался от сопротивления.

Эти животные популярны из-за своей выносливости, но также известны своей же склонностью к неповиновению.

Что касается другого всадника, первое, что бросалось в глаза, он был одет в шубу, которую не снимал даже под палящим солнцем. Конечно, когда полы шубы от любого движения распахивались, можно было заметить, что некогда роскошные меха сильно страдают облысением. Лишь местами попадались небольшие островки меха, как редкие оазисы, которые можно встретить в бесконечной пустыне. Воротник и манжеты были так истерты, что некоторые проплешины были размером с блюдце. Из-под шубы по бокам лошади торчали гигантские сапоги с отвернутыми голенищами. На голове человек носил шляпу-панаму, поля которой были настолько широки, что для того чтобы глаза могли видеть, всаднику приходилось сдвигать ее подальше на затылок. Рукава шубы были настолько длинными, что рук совсем не было видно. Единственное, что можно было разглядеть, это лицо всадника. Да, это лицо сто́ит того, чтобы рассмотреть его повнимательнее.

Оно было тщательно выбрито, ни малейших следов растительности. Румяные щеки были настолько полны, что все попытки носа как-то протиснуться между ними были обречены на неудачу. То же самое можно было сказать о маленьких темных глазках, которые были скрыты глубоко между бровями и щеками. Его глаза светились добротой и лукавством. В общем, у него на лице было будто написано: «Посмотрите-ка на меня! Я славный малый, и со мной можно всегда легко поладить, если ты храбр и умен, но если это не так, то все будет иначе. Ясно?»

Налетел порыв ветра и слегка распахнул полы шубы. Теперь было видно, что человек одет в синие шерстяные брюки и такую же блузу. Его мощную талию опоясывал кожаный ремень, за который помимо предметов, которые имелись у длинного всадника, был заткнут индейский томагавк. С седла свисали лассо и короткое двустольное ружье «Кентукки», одного взгляда на которое было достаточно, чтобы понять, что оно уже использовалось во многих боях, причем не только для защиты, но и для нападения.

Кто были эти люди? Толстяк был Якобом (Иаковом) Пфедферкорном, а его долговязый спутник носил имя Дэвид Кронерс. Если бы кому-то из вестменов, скваттеров или трапперов на-

звали эти два имени, они бы сказали, качая головой, что никогда прежде не слышали об этих двух охотниках. И все же это утверждение было бы против истины, ибо они были знаменитыми следопытами, о делах которых в течение многих лет велись рассказы у костров. Не было места от Нью-Йорка до Сан-Франциско и от озер на севере до Мексиканского залива, в котором не звучала бы похвала в адрес этих героев саванны. Конечно, Якобом Пфефферкорном и Дэвидом Кронерсом эти двое звались когда-то давным-давно. В прерии ни белые, ни краснокожие не просят свидетельство о рождении или о крещении, неудивительно поэтому, что каждый, кто оказывался на Западе, быстро обретал прозвище, связанное с важным событием в его жизни, характеризующее какие-нибудь достоинства либо недостатки или просто черты характера, как в нашем случае.

Кронерс, чистокровный янки, стал не кем иным, как «Длинным Дэви». Пфефферкорн родился в Германии, и обращались к нему не по имени, а просто описывая его немалые формы, «Толстяк Джемми». Так произносят имя «Якоб» те, кто говорит по-английски.

Под именами Дэви и Джемми они были широко известны; вы вряд ли повстречали бы человека на Дальнем Западе, который не смог бы рассказать о каком-нибудь их подвиге. Они слыли неразлучными. По крайней мере, не было никого, кто мог бы вспомнить, чтобы когда-либо видел их порознь. Если Толстяка видели у чужого костра, сразу невольно начинали высматривать Длинного. Если же Дэви заходил в магазин, чтобы купить пороху и табаку, ему тут же задавали вопрос, что он возьмет для Джемми.

Точно так же ощущали себя неразлучными оба верховых животных наших вестменов. Большая лошадь, несмотря на жажду, не пила из ручья или реки, если маленький мул не склонял голову к воде вместе с ней, а этот самый мул стоял неподвижно в самой свежей и сочной траве с поднятой головой, пока не подзывал свою более крупную подругу тихим фырканьем, словно шепотом говоря: «Смотри, они устроили привал и жарят филе буйвола; давай и мы сейчас позавтракаем. Наверняка до позднего вечера нам больше ничего не достанется!»

И в чрезвычайных ситуациях они все могли рассчитывать друг на друга. Их хозяева спасали друг другу жизни уже не один десяток